

— Цуй Мин — чиновник на государственной службе, едва успевший получить личную похвалу императора! И его смерть поручили вести какому-то заурядному патрульному судье? Не прошло и полдня, как они состряпали заключение? И назвали это самоубийством?!

Хань Чжунянь, человек прямодушный и строгий, при этих словах окончательно вскипел:

— Благородный князь пил прямо во время службы?!

— Всего один кувшинчик, клянусь, один-единственный! — в панике затряс головой Чжао Цянь.
— Дядюшка! Умоляю вас, ради вашего покойного старшего брата, пощадите его единственного сына, спасите меня!

Мать Чжао Цяня была дочерью императора Ин-цзуна и, соответственно, приходилась тётёй нынешнему императору Чжао Цзи. В своё время её выдали за Хань Лусюаня — старшего внебрачного сына в семье Хань, приходившегося старшим братом Хань Чжуняню. Этот брак считался для принцессы мезальянсом, а её супруг фактически вошёл в её семью на правах примака. Именно поэтому Чжао Цянь унаследовал фамилию матери. Нося высокий императорский титул благородного князя, он оставался плотью от плоти отпрыском рода Хань.

С тех пор как Чжао Цзи взошёл на престол, при дворе не утихали подковёрные бури. Сторонники реформ и консерваторы вели непримиримую борьбу. Пост правителя Кайфэна всегда считался ключевым; эту должность традиционно занимали виднейшие сановники, а порой и сам наследный принц. По всем правилам старшинства кресло должно было достаться Цзянь-вану.

Но стоило вдовствующей императрице Сян заколебаться, не назначить ли его, как упрямый старик Чжан Дунь совершил хитрый тактический манёвр и сам громогласно вызвался рекомендовать Цзянь-вана на этот пост.

Для вдовствующей императрицы, которая терпеть не могла Чжан Дуня, и для притаившегося в тени хитрого лиса Цай Бяня этого оказалось более чем достаточно. Из-за неуместной протекции Чжан Дуня бедный Цзянь-ван лишился сперва трона, а теперь и завидной столичной должности. Знал ли сам князь об этих хитросплетениях — богу известно. Но прознай он правду, наверняка лопнул бы от злости.

Пост правителя Кайфэна не мог долго пустовать. Чтобы временно заткнуть брешь, вдовствующая императрица Сян спешно выбрала первого попавшегося члена императорской фамилии и усадила в чиновничье кресло. Чжао Цянь, не подозревавший обо всей этой закулисной фантазмагории, поначалу чувствовал себя как на иголках. Он томился в тревоге, не понимая, какая неведомая сила вознесла его на вершину.

Но не прошло и пары дней, как его дядя Хань Чжунянь внезапно взлетел на должность главного канцлера.

Сидя в кабинете правителя Кайфэна, облачённый в одежды чиновника второго ранга, Чжао Цянь взирал на новоявленного канцлера первого ранга — своего дядю, поднявшегося сразу на две ступени выше его самого. Юноша решил, что теперь-то ему всё ясно. Он обрёл могущественного покровителя. Жизнь сразу наладилась: еда казалась вкуснее, сон сделался крепким, а к дядюшке он воспылал небывалой родственной нежностью.

И пусть при каждой встрече дядюшка холодно именовал его «благородным князем», Чжао Цянь лишь снисходительно улыбался про себя.

«Конспирация, всё ради приличий, понимаю-понимаю!»

Слыша отстранённое обращение, он неизменно отвечал многозначительными заговорщицкими взглядами, будто давая понять, что они заодно. От этого его привязанность только крепла. И теперь, когда над ним разразилась гроза, он первым делом бросился к Хань Чжуняню.

Сам канцлер Хань славился прямотою и честностью. Он и собственным сыновьям не покровительствовал на государственной службе, что уж говорить о племяннике. Однако отчаянные мольбы юноши заставили его на мгновение заколебаться.

— Какая глупость! — раздался из темноты ледяной голос.

— Кто здесь?! — вскинулся Чжао Цянь.

Он обернулся и увидел стоявшего в углу сурового мужчину средних лет с охапкой судебных свитков в руках. Неизвестно, как долго тот здесь находился и сколько успел подслушать.

Хань Чжунянь нахмурился, его лицо потемнело:

— Редактор Цай?

Цай Цзин — старший брат канцлера Цай Бяня — заговорил без обиняков:

— Господин канцлер потерял вас из виду, господин Хань, и послал меня на поиски. — Он повернулся к Чжао Цяню и продолжил: — За эти два месяца каждый успел понять, каков нрав у нашего молодого государя. Если бы благородный князь сразу после случившегося поспешил во дворец, пал на колени перед Его Величеством и чистосердечно выложил всё то, что сейчас рассказал господину Ханю, император, возможно, проявил бы милость. Но вы вместо этого бросились прямиком в Центральный секретариат, чтобы тайно переговорить с главным канцлером. Что подумает император, когда об этом узнает?

Случись беда, и приди Чжао Цянь сразу во дворец вымаливать прощение — Чжао Цзи, быть может, заколебался бы и поверил. Но паническое бегство в Центральный секретариат для тайного свидания с Хань Чжунянем в корне меняло дело. Любой здравомыслящий человек

заподозрил неладное. А если этот человек наделён мнительностью правителя, он непременно увяжет ниточки воедино. Не замыслил ли Хань Чжунянь, недовольный новой системой государственных экзаменов, сорвать её, приказав устранить Цуй Мина, чтобы припугнуть престол? Стоит канцлеру теперь хоть словом обмолвиться в защиту племянника — и в глазах Чжао Цзи это превратится в неопровержимый заговор с целью устранения верного чиновника и зачистки свидетелей ради удержания власти. Такое обвинение раздавит любого, и оправдаться уже не удастся.

Хань Чжунянь, который до сих пор сокрушался лишь о недостойном поведении племянника, мгновенно осознал всю глубину ловушки. Спина его взмокла от холодного пота.

Чжао Цянь оцепенел. Он бежал к дяде простодушно, как напроказивший ребёнок бежит к родителям. В лучшем случае его проступок тянул на халатность, в худшем — оборачивался государственной изменой, сговором высших чинов и убийством посланника трона. Мысль о неминуемой казни приводила его в ужас. Обнаружив свою подпись под сфабрикованным делом, Чжао Цянь едва не лишился чувств. В тот миг он думал лишь об одном — найти защиту у единственного близкого человека, занимавшего столь высокий пост. О политических тонкостях, обрисованных Цай Цзином, он даже не задумывался.

Теперь же, чувствуя дыхание смерти, он воспылал лютой ненавистью к Хэ Цивэю. Князь страстно желал, чтобы император немедленно приказал отрубить подлецу голову. Хэ Цивэй всегда казался образцовым законником, въедливым и педантичным до тошноты. Он никогда не пренебрегал ни единой формальностью, даже той, на которую остальные закрывали глаза. Кто мог ожидать от этого сухаря подобного безумия? Никакого следствия, а само судебное решение — сплошная нелепица! Почему этот мерзавец ещё жив? Ему следовало сдохнуть на месте!

Хань Чжунянь рывком вздёрнул племянника на ноги:

— Как ты проник во дворец? Немедля ступай в Зал Гражданской Добродетели и проси аудиенции у Его Величества, пока он ни о чём не проведал!

— Меня провёл государственный зять Ван... — пролепетал Чжао Цянь.

У Цай Цзина затекли руки от тяжёлой ноши. Желания ввязываться в чужие дразги у него не было. Раз уж он передал предупреждение от младшего брата, оставалось лишь уйти. Перехватив свитки поудобнее, он молча повернулся и зашагал прочь по коридору.

Дождавшись, пока шаги редактора Цая затихнут в отдалении, Хань Чжунянь встревоженно спросил:

— Государственный зять Ван Шэнь? Он спрашивал, зачем ты явился? Что ты ему ответил? Он что-то заподозрил?

При воспоминании о том, как у Ван Шэня сузились глаза от его неловкой оговорки, и о его настойчивых расспросах, Чжао Цянь почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он снова рухнул на пол:

— Всё кончено... Всё пропало!..

Донесёт ли Ван Шэнь императору? Разумеется! Он побежит доносить, радостно подпрыгивая на ходу.

Раньше, когда государь ещё носил титул Вана Дуаня, он искренне восхищался Ван Шэнем. Тот во время своей ссылки изъездил всю страну, повидал немало чудес и знал бесчисленное множество удивительных историй, которые заворожили Чжао Цзи, никогда не покидавшего пределов Кайфэна. К тому же Ван Шэнь, несмотря на свой разгульный нрав, тонко чувствовал поэзию, водил дружбу с известными литераторами и познакомил молодого князя с лучшими художниками и каллиграфами Поднебесной. Ван Шэнь всегда ощущал это благоговение со стороны будущего императора.

Но всё изменилось после того, как наследник незадолго до коронации упал в воду. С тех пор государь стал заметно холоднее к прежнему фавориту. Ван Шэнь списывал это на травму головы и частичную потерю памяти. Последнее время он безуспешно искал встреч, но император под предлогом занятости государственными делами раз за разом отказывал ему в аудиенции.

Подозрительное поведение Чжао Цяня стало для Ван Шэня идеальной возможностью. Если грянет буря, донос обезопасит его самого. Если же тревога окажется ложной, он хотя бы продемонстрирует преданность и попытается вернуть утраченное расположение монарха.

Тем временем двери Зала Гражданской Добродетели были плотно заперты, и в воздухе висело гнетущее напряжение.

Едва в зал вошла вереница стражников из управы Кайфэна, Чжао Цзи почувал неладное. Среди этих двадцати с лишним слуг закона было несколько человек, владевших боевыми искусствами. И речь шла не об обычном махании кулаками — в их телах циркулировала мощная внутренняя сила ци, причём весьма приличного уровня.

Конечно, стражникам полагалось уметь постоять за себя, но любой человек, овладевший глубокими техниками внутренней силы, стремился либо сделать карьеру в армии, либо примкнуть к какому-нибудь влиятельному клану в цзянху. С какой стати мастерам прозябать на ничтожных должностях простых судебных исполнителей, не имеющих даже официального чиновничьего ранга? Ладно бы нашёлся один чужак, решивший скрыться от мирской суеты под личиной скромного служаки. Но встретить целую толпу таких умельцев в одном месте? Это походило на то, как если бы в уездную управу на должность простых разносчиков чая наняли старейшин из Шаолиня. Поверить в подобное совпадение мог разве что безумец.

Начни он звать стражу — эти мастера мгновенно сорвутся с места и упорхнут через окна, используя технику легкости цингун. С тех пор как Чжао Цзи сам умудрился без труда перемахнуть через дворцовую стену и остаться незамеченным, он растерял остатки веры в бдительность собственной личной гвардии. Безусловно, если натравить на них всех дворцовых стражников разом, кого-то повязать удастся. Но удержать каждого — задача невыполнимая. Упусти они хоть одного, беды потом не оберёшься.

Император отчаянно замигал Ли Сюньхуаню, пытаясь передать мысль.

«Я хочу схватить их всех до единого. Справишься?»

Ли Сюньхуань уловил этот взгляд. Он уже занёс голову для кивка, но вовремя осёкся. Приподняв правую руку, он прикрыл её широким рукавом левой и сделал едва заметный жест.

Чжао Цзи мгновенно разгадал этот безмолвный ответ: «Сделаю. Но мне нужно отвлечь их внимание».

Когда прибывшие стражники опустились на колени, Чжао Цзи не спешил давать команду подняться. Он намеренно держал их в этой крайне неудобной позе, лишавшей подвижности. Напустив на себя недовольный вид, он капризно бросил:

— Слишком светло.

Маленький евнух у дверей отреагировал мгновенно и плотно притворил створки ворот Зала Гражданской Добродетели.

Острый взор Чжао Цзи зафиксировал, как в этот миг напряглись плечи тех нескольких мнимых стражников, чьи повадки выдавали мастеров боевых искусств. Они были начеку.

Когда полумрак окутал зал, император полностью скрыл свою внутреннюю силу. Приподняв полы расшитого драконами шёлкового халата, он поднялся с трона. Но едва сделав шаг, покачнулся и завалился набок. Дежуривший рядом евнух испуганно подхватил его под локоть.

Чжао Цзи обмяк, безвольно повиснув на слуге, словно мешок с зерном.

— У Нас разболелось колено, — немощным голосом проронил он. — Помоги Нам спуститься.

Юному евнуху пришлось напрячь все силы, чтобы буквально тащить государя на себе.

Этот неловкий маневр был рассчитан до мелочей: под тяжестью императорского тела слуга громко топал и натужно сопел, надёжно маскируя собственное бесшумное дыхание и лёгкие шаги Чжао Цзи. Медленно, шаг за шагом, они приближались к коленопреклонённой толпе.

В тот миг, когда император поравнялся с Ли Сюньхуанем, тот, укрывшись за широкими спинами государя и натужно сопевшего евнуха, скользнул пальцами в рукав и извлёк тонкое лезвие.

Чжао Цзи прекрасно помнил, кто перед ним стоял. Ли Сюньхуань, некогда занявший третье место на государственных экзаменах и получивший звание призера Ли, в мире цзянху был известен под грозным прозвищем Летающий кинжал Малютки Ли. В знаменитом «Реестре оружия» кисти Байсяошэна его летающие кинжалы занимали почётное третье место.

Обычно вельмож при входе во дворец тщательно обыскивали, но после памятной беседы у вдовствующей императрицы Чжао Цзи лично даровал Ли Сюньхуаню высочайшую привилегию: являться пред ясные очи государя с оружием, без досмотра.

Тогда император сделал это лишь из глубокого почтения к легенде о том, что его кинжал никогда не пролетает мимо цели. Кто бы мог подумать, что эта прихоть так облегчит расправу над крысами, запертыми в ловушке.

Загороженный тучной фигурой навалившегося на слугу государя, Ли Сюньхуань неуловимым движением взмахнул кистью. Тонкая полоска стали, точно наделённая собственным зрением, устремилась к коленопреклонённым стражникам. Целью были суставы тех самых лже-исполнителей, готовых к прыжку!

<http://bllate.org/book/18987/1908029>